

Глава Кватро

Итак, последовавший разговор подтвердил догадки. Этот мир действительно не был Мундосом. Назывался он Землёй, и путь его развития сильно отличался от того, что считал само собой разумеющимся я.

Почти всю Землю населяли люди. К нелюдям (самоназвание: Ат'Эде) и особенно к эльфам они относились с едва скрываемым презрением, а то и открытой враждебностью — зависело от временного периода.

Не то чтобы эльфы были полностью невиновны. Около двух тысяч лет назад они распяли в местечке под названием Голгофа объявившегося Бога Человечества по имени Иешуа. Распяли ради самозащиты — божок пропагандировал уничтожение всех нелюдей, — но идеи людского превосходства далеко разошлись в течение следующих столетий. Нечего было создавать мученика!

Лично я полностью поддерживал эльфов в их желании прикончить бога. Нельзя давать богам зазнаваться. А уж просить их о чём-то — всё равно что проделывать течь в днище лодки, чтобы напиться.

Из экскурса в историю я понял одно: эльфы в людском сообществе не показывались давно. И не столько из-за иешуанства, сколько потому, что эльфы и другие Ат'Эде решили отгородиться от опасных соседей в пространственном кармане около двух столетий назад.

Почему?

Нет, не потому что люди объявили против них новый крестовый поход. С Ат'Эде это никак не связано.

Около двух столетий между крупнейшими сверхдержавами того времени — Российской империей и Французской Республикой — разразилась война. Началась она в 1812 и закончилась тем, что эльфы пафосно обозвали Ночью Падающих Звёзд. А попросту — оба государства применили новейшее «атомное оружие». После чего Ат'Эде смекнули,

что следующими в очереди на испытания могли стать они, и заблаговременно спрятались в карманной реальности за барьером — Пеленой.

По людскому календарю сейчас 2007, и эльфы всё ещё ждут развала государства, обладающих «атомным оружием». Надо понимать, интригуют в тени, чтобы оно поскорее забылось. С ним и связан запрет на посещение Земли: мол, слишком опасно привлекать людское внимание.

Как только я услышал об «атомном оружии», то загорелся энтузиазмом. Заполучить бы что-нибудь такое, зарядить в катапульти да зашвырнуть в Карнивана!

Но даже без столь заманчивых вкусок мир людей манил демонологическими разработками. Ат'Эде смотрели на демонологию, как на гору гниющей требухи. Единственная причина, по которой меня не трогали, — то, что папаша занимал видный пост в каком-то важном совете. А сам отец полагал, что рано или поздно мне надоест маяться всякой дурью.

Даже если люди преследовали за занятия демонологией, желающих погрузиться в неё всё равно куда больше. Больше данных — быстрее найду путь обратно в Эфирий.

Зачем мне в Эфирий? Демоны, которые примерно тысячу лет находятся вдали от родного плана, развоплощаются. Вот так просто. Когда-нибудь мне потребуется вернуться домой.

Но сначала я повеселюсь.

И первой ступенью на пути к веселью станет побег. Я не собирался ждать совершеннолетия, чтобы подавать заявку на посещение Земли! Тем более что её всё равно не одобряют, как заметил папаша.

Кое-как поклевав салата, я направился к своей комнате — готовиться к сегодняшней ночи. Затягивать я не намеревался.

Зайдя в комнату, я ощутил едва заметный флер чужого присутствия, но он быстро истаял. Видимо, кто-то захотел присмотреть за непутёвым эльфом, но удовлетворился поверхностным изучением.

После того как я собрал необходимые вещи (в основном сменную одежду; убегающим ведь нужно много одежды, чтобы пережить непогоду, ведь так?), остаток дня провёл,

шатаясь по особняку и приставая к слугам с вопросами, где находится Пелена. Именно её мне необходимо было повредить или обойти, чтобы попасть на Землю.

Слуги бледнели, краснели и пыжились, но отчаянно молчали или давали уклончивые ответы. В конце концов я заключил, что они и сами-то не сильно представляют, как добраться до Пелены.

Мои дознания не остались незамеченными. Когда вечером я вернулся в комнату, чтобы дождаться глубокой ночи и слинять, то обнаружил возле дверей двух крепких заросших леших, нацепивших вывернутые наизнанку ливреи.

— Юный мастер, — смущённо сказал один из них, — ваша матушка наказала вас никуда не выпускать ночью. Говорит, у вас воображение разыгралось, как бы во сне не начали ходить... Вот мы и остережём, стал быть, покой.

Сильна, однако, наша семейка, раз лесные цари не гнушаются заниматься такими поручениями! Я пожал плечами, мол, поступайте как знаете. Меня парочка леших всё равно не остановит.

До заветного часа я провалялся на кровати с закрытыми глазами, позволяя телу поспать. Мне-то сон не требовался, но тело без него будет слабеть.

Не самое приятное состояние — плавать в крошечном мраке без малейшего контакта с окружающей реальностью. Неожиданно образовавшееся свободное время я потратил на то, чтобы погрузиться в воспоминания бывшего владельца тела. Я дал ему кличку Нани — на мой вкус, обращение чересчур слащавое, а вот ему сгодится в самый раз. Не частить же с *прозвище временное* всю оставшуюся ему жизнь?

На сей раз Нани оказался чуть более сговорчив и поведал, что его пособия по чернокнижию (так назывался местный аналог демонологии) уникальны для земель под Пеленой.

За семьдесят с лишним лет, что Нани потратил на это увлечение, он натаскал в своё логово всё, что отдалённо относилось к дьяволам. А дальше в нём разыгралась гордость первооткрывателя, и он отошёл от учебников.

Вероятно, это и стало причиной, по которой тут появился я.

К сожалению, хорошей памятью Нани похвастаться не мог. Он не запоминал большей части того, что делает, доверяя мысли бумаге. Когда он узнал, что все его труды, скорее всего, пущены на удобрения, то разнылся, разбрызгивая фигуральные сопли, и я предоставил его самому себе.

Разомкнув глаза, я вскочил с кровати и скользнул к двери. Отдохнувшее тело повиновалось с охотой. Я мало сомневался, что и под окнами у меня дежурят доброхоты, которые готовы помочь страдающему лунатизмом юному мастеру. Так что выход через дверь был ничуть не лучше прочих.

Спрессованному кулю с одеждой я *приказал* держаться поблизости. У меня на него были особые планы.

Дверь никто не запирает, и открылась она без скрипа. Откровенно скучавшие лешие встретили меня с открытыми ртами. Деревяшки точно не думали, что у меня хватит духу высунуться из своего лежбища, пока такие бравые парни, как они, несут службу.

— Юный мастер, пожалуйста, вернитесь... — Договорить леший не успел: я с треском закрыл его рот кулаком.

Было непонятно, кто пострадал сильнее: рот, моя рука, которая словно в пень врезалась, или гордость лешего. Я надеялся на последнее. Обиженные враги имеют особенность терять голову в схватке, сперва метафорически, а затем и буквально. Кроме того, они — наиболее приятная еда.

Леший фыркнул — скорее с обидой, чем от боли — и вытянул руки, пытаясь меня поймать. Я с лёгкостью увернулся и на отходе двинул между ног второму стражу. Это его мало поколебало, а вот моя голень отозвалась вспышкой боли. Её я скормил Нани.

Пусть эльфы не самые сильные бойцы на свете, они неоспоримо одни из самых быстрых. Я метался из стороны в сторону, делал подсечки, уворачивался как в танце от придурков, которые безнадежно отставали от меня, — и изрядно веселился.

Непонимание и опаска у этих парней быстро сменились азартом, который смыла злоба от безуспешных попыток. Я не имел привычки поддаваться, а без этого лешим нечего было и думать о том, чтобы поймать меня. Как и мне — о том, чтобы вырубить их. Мутузить вековой дуб голыми кулаками и то эффективнее, чем царей леса.

Под конец крошечные глазки леших налились кровью. Они бурлили чистой яростью, и я едва не захлебнулся в ней, впитывая такой её напор, что вынужден был остановиться.

От удовольствия заплетались ноги. Тут меня и схватили. С искажённым от гнева лицо леший поднял кулак, и я осознал, что сейчас меня будут лупить.

Тогда и пригодился куль с одеждой. С бешеной скоростью он врезался прямым в затылок стража и пробил-таки его толстенную защиту. Красные глаза лешего закатились, и он рухнул мне под ноги. Я горделиво поставил ступню на его темечко, как охотник, позировавший с пойманной дичью.

Сородич павшего стражника сцены не оценил и бросился на меня. Его куль с одеждой уговорил прилечь прямой наводкой в лоб. Что-то треснуло в шее лешего, но когда он упал, то ещё дышал. Наверное, треснула какая-то деревяшка.

Всё-таки до чего приятная способность — *воля!* Можно приказывать предметам не только разгоняться до невообразимых скоростей, но и при необходимости увеличивать их вес. У смертных нет ни одного шанса против высшего демона.

Напрасно я поддался желанию и поиграл с ними перед тем, как устранить. Они могли бы позвать на помощь, и тогда мне пришлось бы пробиваться через всё население особняка. К счастью, обида застила им способность соображать. К тому же лешие никогда не славились избытком мудрости.

Без особой спешки я двинулся по коридору. В светильниках, развешанных по стенам, горели приглушённые синеватые огоньки. От них по зеркальному полу растекались причудливые тени. Особняк дышал покоем и умиротворением. Тихо шуршала под ботинками бархатная дорожка.

Очередной поворот поменял всё. В одно мгновение мир встал с ног на голову. Тишь сонного царства сохранилась, — но умиротворение исчезло безвозвратно.

Потому что в конце коридора таинственно поблёскивало фиолетовое облачко. Оно растеклось от стены к стене и медленно текло вперёд, словно что-то — или кого-то — искало. Искры в глубине облачка перемигивались во внешне безобидном хаосе вспышек.

В особняке хозяйничала гончая Карнивана.

Едва осознание этого обрушилось на меня, как пространство передо мной зарябило. Прозрачные волны помчались ко мне, вспарывая реальность.

— Стой! — *приказал* я, вскинув ладонь, и безудержная волна развалилась надвое, огибая меня. Вокруг бушевала смерть.

Хватило короткого взгляда вниз, чтобы понять: неприятности не заканчиваются на убийственном воздухе. Плитка под ногами плавилась, готовилась разойтись, открывая бездонную пропасть. Усилием *воли* я остановил её, стабилизировал кусочек пространства вокруг себя, и контратаковал.

Лезвия ветра, рождённого моей *волей*, рассекли гончую на тысячи частиц, однако частицы эти тут же склеились как ни в чём не бывало.

В воздухе сконденсировалась влага — гончая пыталась соорудить нечто из воды. Я пресёк её выпад, подчинив себе огонь из светильников, выжег всю воду — и закашлялся. Мою истинную сущность сдавила хватка боли. Командование реальностью в плане смертных требовало платы. А если делать это из смертного тела, последствия становились многократно хуже.

Гончая Карнивана в истинной обличке представляла для меня... определённую опасность, пока я был в теле эльфа. А значит, всего-то и нужно было, что на время покинуть его, чтобы обрушиться на неё всей своей мощью.

Я попробовал. Снова и снова. Рвался из смертного тела, как заточённая в клетке птица, — и попытки мои были столь же тщетны.

Я не мог вернуть себе истинный облик.

Я не мог!

Не мог! Не мог! Не мог!

Потрясение было столь сильно, что гончая отхватило у меня часть огненного аспекта. Раздула его в бурю и обрушила на меня вихря истинного огня

И я побежал — помчался, не чувствуя ног, а в спину мне дышала пламенная погибель. Мысли путались, как морской узел у молодого юнги.

Я что, заперт в смертном теле?

Это было плохо. Невероятно плохо. Развоплотить демона, пока он находился в ловушке телесного, было легче лёгкого. Убей носителя, и суть демона рассыплется без надежды на восстановление.

Показалась дверь моей комнаты. Лешие всё ещё валялись без чувств. Мой свёрток здорово их приложил.

К этому моменту самообладание вернулось ко мне. Я был, вне всякого сомнения, в проигрышной позиции. И тем не менее мне, могущественному высшему демону Малдериту, противостояла жалкая гончая. Будь их штуки три-четыре... Нет, я бы справился с ними! Сильнее меня нет никого!

Презрительная ухмылка сама собой напозла на губы. Я развернулся к преследовавшей меня гончей и обрушил на неё град ударов. В основном я использовал воздух — как облако, гончая была особенно уязвима к выпадам против своей среды.

Раз — и гончую разорвало на сотни лоскутов. Два — и она, едва собравшая себя из обрывков, отступает под ударом воздушного кулака. Три — и пламя поджигает её пузо, заставляя перемигиваться искорками от боли.

Попутно я проверял реальность вокруг себя. Гончая не переставала стараться перехватить пространство, чтобы рассечь меня одним ловким выпадом. Я не допускал этого — и не подпускал подстилку Карнивана к себе, не позволяя увеличить контроль над моим личным кусочком бытием.

Воля сталкивалась с *волей*, противостояние затягивалось. Мы зашли в тупик. Я не был способен окончательно развоплотить гончую, пока меня сдерживали путы эльфийского тела. Гончей не хватало силёнок, чтобы прогнуть контролируемый мной кусочек реальности.

И всё же я медленно отступал. Гончей сильно не хватало материального тела, чтобы воздух перестал сносить её мощными порывами. Она, должно быть, поняла этого — и удвоила натиск, прорываясь к лешим. Я отходил, она подходила.

И вот момент истины — гончая вцепилась в лешего, втекла в него без остатка. Мой последний выпад воздуха не поколебал её, как прошлые. Напротив, новоявленный одержимый даже не дрогнул под напором ветра.

Всё, что ей оставалось, — это подскочить ко мне и перехватить контроль над реальностью неподалёку от меня, чтобы превратить эльфийское тело в прах.

И тут я вскинул обе руки, *повелевая* огню подчиниться. Синеватые огоньки слетелись на мой зов, приникли к лешему, образовав вокруг того буйный полог истинного пламени.

Гончая поступила так, как в подобной ситуации поступил бы я сам. Попробовала вырваться из тела. Сама по себе атака не могла существенно навредить ей в первоначальном облике. Да, ей не удалось подобраться ко мне — подумаешь! Но она не проиграла.

Не проиграла бы, если бы сумела скинуть оболочку.

Потрескивало дерево, пожираемое огнём. За каких-то пару мгновений всё было кончено. От гончей и её носителя не осталось даже пепла — истинное пламя пожрало всё.

Я расслабился, позволяя контролю над стихией уплыть, и огоньки вернулись в светильники. Их добродушное перемигивание ничем не давало понять, что секунду назад они являли собой воплощённую ярость стихии.

Ни на полу, ни на стенах не красовалось и следа недавнего буйства. Реальность, оскорблённая насилием над ней, залечивала раны стремительно и безошибочно.

Дыхание с хрипом вырывалось через рот. Физически я не устал, нет — эльфийская часть чувствовала себя превосходно. Но моя истинная форма... пребывала в замешательства. И агонизировала от боли.

Я перенапрягся.

Хуже того, неприятный сюрприз — невозможность покинуть тело — добавлял поводов для тревоги. И кроме того, меня разыскала одна ищейка. А значит, при желании отыщут и остальные. Карниван действительно последовал за мной в воронку. До чего настырный ублюдок!

Я должен убраться из поместья и затеряться в людском мире. Отыскать меня там будет значительно труднее.

Взгляд намертво приклеился к лежавшему без сознания лешему. Мне нужна была подпитка... разбудить его и пытками вызвать необходимые эмоции? Жаркое дыхание

вырывалось из груди. А потом... уничтожить весь особняк. Увидеть лица, исполненные страха, отчаяния, боли...

Я моргнул. У меня нет на это времени. Я пригладил ладонью волосы, успокаивая себя. Мне срочно нужна была *вещь* — или подходящий заменитель *вещи*. Иначе я мог где-нибудь сорваться. А я ведь всё-таки милостивый демон.

Тело наполнила истома, натянула его, словно струну. Истома эта исходила не от демонической природы — её зудящая сладость исходила от эльфийской части. Но разбираться с этой загадкой я не стал. Пусть подождёт более подходящих времён.

Я поднял валявшийся куль с одеждой и...

— Чем это ты тут занимаешься?!